

что Россия — составная часть Европы, что русская народность так же богата силами и возможностями, как и западные страны, но отличается от них всех и не может подчиняться никакой чужой норме.

Подражания и крайности романтизма (с которого на самом деле процесс начался), когда в литературе и в жизни появилось множество исключительных, болезненных личностей, представляли собой только необходимое испытание на силу русской народности, ее стремление к самопознанию, сравнению с другими народами. Вследствие обличения фальшивых форм (особенно ярко оно проявилось в творчестве Гоголя) в 50-е годы началась хотя и закономерная, но чисто отрицательная реакция. Некоторые русские писатели и мыслители отказались от идеала европейской личности и всех её ценностей, включая положительные и истинно передовые, и ушли в себя, вернулись к ограниченным идеалам первоначальной народной общины, придавая им исключительное значение, как будто они одни выражают народную сущность. А. Григорьев же, как и другие писатели, его единомышленники в 60-е годы (Тургенев, Достоевский, частично Островский), считал, что она, эта сущность, совмещает силы богатой личности, усвоившей все завоевания европейской культуры, со старинными народными добродетелями и духом демократического братства.

Творчество Пушкина представляло собой для Григорьева очень важный этап вышеописанного процесса, но особенно характерно то, что критик в нем усматривал очерк или набросок всех прошедших и будущих фаз, а в пушкинской личности — идеал, к которому русская народность должна стремиться как к конечной цели. Запомним, что органическая критика совмещала и — таким образом, чтобы они дополнили друг друга — два, казалось бы, противоположных взгляда на историю и литературу. С одной стороны, Григорьев считал, что историей человечества руководило действие духовных сил (веяний, воплощающихся в типы), с другой стороны, в литературном развитии он придавал огромное значение личности автора. Дело в том, что он внес в литературную критику понятие «художнической личности», которая гораздо шире простой человеческой личности того же писателя, так как она представляет собой своего рода фокус и точку примирения одного или нескольких типов, выражений народного идеала. Таким образом, личность художника являлась «личностью типической», и изменения и повороты в его творчестве также имели типическое значение.

Процесс самопознания русской народности осуществлялся у Пушкина путем создания «типических» литературных героев, или же, если придерживаться григорьевской терминологии, последовательно обнаруживал в себе основные типы русской народной сущности, прежде всего «хищный» (или «блестящий») и «смирный» типы.

Если влияние Байрона приводило к появлению таких «хищников», как Алеко или Онегин, то затем автор понял, что эти типы не могут полностью выразить народную душу и что нельзя заглушить голос простой русской действительности. Отсюда — создание прототипа всех будущих литературных смиренных типов, Ивана Петровича Белкина, и обращение к реалистической прозе — повествованию о скромных делах бедных людей.

Пушкин, однако, не перестал мериться силами с самыми великими мифами европейской культуры, и, например, придал хищному Дон-Жуану глубоко оригинальные и национальные черты. Таким образом, пушкинская художническая натура являлась наиболее цельным выражением русской народности — вполне европейской, но со своей собственной, вполне оригинальной физиономией — в минуту полного гармоничного самосознания и, возможно, как предвестие нового этапа европейской цивилизации после заката старого мира [6, с. 217].

Столь же важное значение имел для А. Григорьева процесс пушкинского творчества как таковой. Критик повторял не раз, что он наметил путь